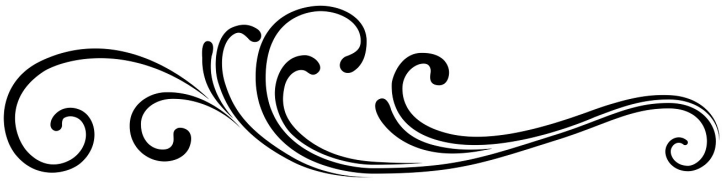
Виктор Герке

ИЗБРАННОЕ

Стихи

Нельзя понять,
зачем стареть
надумал я.
Когда ничто мне так не шло,
как молодость моя.

Антал Гидаш

*****

На старом кладбище,
в унылой сырости,
В холодной серости
могильных плит,
Между кривых крестов Христовой милости
И одиноких звездных пирамид,
На склоне дня,
через косое сито
Осенне-мелко-нудного дождя,
Глаза, как рана рваная, открыты,
С тупым испугом в сторону глядят.
Как в зале истерического смеха
С эвклидовой поверхностью зеркал,
Где даже смерть для смеха не помеха,
увидел я,
что сам в гробу лежал!

Стекали капли на зонты и листья,
И лица мокрые надели скорбный грим,
Но только две слезы катились вместе
По двум щекам моим, и мертвым, и живым.

г. Хуст 1984 г.

*****

Уж забывать я стал мгновенья,
когда, писав стихотворенья,
в душе возникший в тот же час
наивной мысли пересказ,
я выставлял на обозренье,
и без стыда, и без зазрения
бумаге мысли доверял.

Лишь с ней я мог быть откровенным
и поручить мечтам заветным
строками ровными лежать,
что бы себе же их читать,
о том, как чей-то образ милый,
промчав мечтою быстрокрылой,
унесся в будущего даль.

Престижное образованье,
не подтвержденное призваньем.
Хипповый джинсовый костюм
и разговоры наобум.
Бутылка пива пополам.
Почти всегда постой карман.
Безмерное очарованье
тех милых беззаботных дней
в компании моих друзей,
под звуки электронных глоток,
где каждый был и груб и робок,

глазели мы на юных дам,
и страх с желаньем пополам,
безрезультатно прикрывая,
томился я от встреч случайных,
от опытных б……й коварных.
Пытаясь разумом постичь,
ходил дня три угрюм, как сыч,
но только хуже заблуждался
и снова с радостью влюблялся,
и снова сердце отравлял.

Дни моей юности беспечной,
так проходили.
Бесконечно,
рождая кучу тех забот,
для мыслей недостойный плод,
которые свои решенье
могли оставить на мгновенье,
переходившее в века.

С дипломом, полные надежд,
мы оставляли свой колледж
и разъезжались, кто куда,
не ведая, что навсегда,
расстались с юностью своей,
и в ожиданье новых дней,
былое в памяти храня,
вступал я в жизнь почти с нуля,
уже и бога не моля,

надеялся лишь на себя,
узнав, как медленно скрипя,
рождает время пятилетки
и оставляет свои метки
на наших душах, уходя.
Столкнувшись с подлостью и лестью,
ничтожным карьеризмом, местью.
Не понимая тех вещей,
что окружили с первых дней,
с наивным знаменем добра,
фальцетом громкое «Ура»,
воскликнув, бросились мы в бой
за идеалы, те, что в ссорах
и в длинных бесконечных спорах,
рождались под шум и гам
совсем недавно по ночам.
С надеждой молодых сердец
не веря, что настал конец
всех наших замыслов и грез.
Они как волны об утес
Разбились, только брызги слез,
блеснув кристальной чистотой,
частицы жизни молодой
упали в мутный океан
и с наших глаз пропал туман …

Хуст-Черкассы 1979-1984 гг.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Храни Вас Бог Любви,
Всенощно и вседенно.
Не от разлук храни:
Без них не будет встреч.
Не от забот - они
Для счастья непременно,
В картину ваших дней
Должны контрастом лечь.
Храни Вас Бог Любви
От эгоизма злого,
От равнодушных глаз,
От «липовых» друзей,
От слова унизительно дурного,
От глупой ревности,
От «правильных» речей.
Когда же время пролетит,
Легко и невесомо.
Пускай, как и других,
Кто всей душой любил,
В кругу детей, в тиши родного дома,
Хранит Вас Бог Семьи,
Как Бог Любви хранил.

Написано в мае 1990 года в поезде Москва – Ужгород как, поздравление к свадьбе Никитина А. В., сына друзей молодости.

*****

Ваш поцелуй слегка горчит,
Мадам!
Вы стали чуть другая,
привычно роль жены играя,
иль это кажется в ночи?

Иль это кажется, что днем,
улыбку на лице сменяя,
украдкой от меня, вздыхая,
Мадам,
печалитесь о нем?

Все ясно!
Только, что ж сейчас,
в наш дом опять меня толкает?
Наш пёс!
Он обо мне скучает,
Мадам,
в отличие от Вас!

Москва 1992 г.

*****

От глаз укрывшись в вечные снега,
Вздымают горы вверх свои вершины,
Которые вдыхают облака,
А выдыхают снежные лавины.

Москва 1992 г.

*****

Свои желанья обнажу,
И вознесусь!
В нагие ножны
Вложу их с похотью безбожной.
И черту душу заложу!

Хуст 1987 г.

*****

Как всё просто!
Жизнь прошла.
Всё прошло.
Всё пролетело.
И осталось от меня,
лишь одно больное тело.
Да кричащая душа,
некрещеная с рожденья.
За душою не гроша,
лишь одни стихотворенья,
что не нужны никому.
Ни друзьям, которых нету,
ни жене. Ей бы газету
лучше прочитать ко сну.
Может, будет не такой
дочь, как только повзрослеет,
за рифмованной строкой
душу разглядеть сумеет.
Что любила, как могла,
что страдала и мечтала,
хоть в неверии жила,
к Богу иногда взывала …

Касимов – Москва 1993 г.

*****

Давай нальем шампанского в бокалы
И в этот час в мерцании свечей,
Друг другу скажем то, что не сказали
Среди забот, обид и мелочей.

Прости, что иногда бывал не сдержан
И очертя, как ком с горы, летел,
Бывал порою не всегда так нежен,
Как нежен, быть с тобою я хотел.

Покой души теперь– любви основа.
К чему пылать, все таинства познав?
Давай же скажем ласковое слово,
В глаза взглянув и руки в руки взяв.

Хуст 1988 г.

*****

Второго солнца в небе не зажжешь,
Когда уже горит одно светило,
И не наступит то, что уже было,
И не исчезнет, чем сейчас живешь.

Черкассы. 1982 г.

Поэтам.

Вы покидали их.
Они вам всё прощали.
И поцелуй последний,
как будто в первый раз.
Каким прекрасным женщинам
стихи вы посвящали,
И каждая из них почти любила вас.

Крым. Симеиз. 1984 г.

*****

Закрыты для меня давно чужие страны
И в паруса не дуют романтики ветра,
Но иногда во сне лихие капитаны
Зовут меня куда-то до самого утра.

Для них победа – жизнь.
Им ничего не надо.
Лишь только бы вперед.
Пускай хоть в никуда.
Удача - вот одна достойная награда,
Зовущая, бессменная и верная звезда.

Для случая всегда найдется место в жизни.
Он, как нежданный рок,
закрутит время вспять.
И снова им в лицо соленый ветер брызнет.
И вечный горизонт откроется опять.

Я к вам уж не приду, такие наши годы,
Не вытащить меня из страшной суеты.
Лихие капитаны в любые непогоды
Уходят, не прощаясь, на поиски мечты.

Крым. Симеиз. 1984 г.

Колыбельная.

Сон придет к тебе из сказки,
Только ты его встречай.
Закрывай, Катюша, глазки,
Поскорее засыпай.

Он своей волшебной кистью
Над тобой взмахнет пускай.
Разноцветной тонкой нитью
Нарисует сонный край.

Жёлтую возьмет у хлеба,
А зелёную даст лес.
Много голубой у неба,
Хватит красок для чудес.

Отколов кусочек солнца,
Красную добудет он.
Из его ладоней льется
Моря тёмно-синий тон.

Чтоб во сне ночь получилась,
Нужно чёрной взять у тьмы.
Ну, а чтоб не страшно снилось,
Белой краски у зимы.

И пускай все сны на свете
Завершаются одним:
Спят всегда спокойно дети,
Когда снятся Мамы им.

Крым. Симеиз. 1984 г.

Колыбельная посвящена недавно родившейся дочке.

Дочке

Вопрос, как жить, любя иль не любя,
Пора закрыть и все поставить точки.
Сегодня далеко я от тебя,
А слышу плач одной лишь нашей дочки.

Как громко плачет девочка моя,
Наш свет четырехмесячного солнца.
Мне кажется, уеду за моря,
Но этот плач да слуха донесется.

Пока я слышу этот громкий плач,
Я им казнюсь, как тяжкою виною.
Наш мир от атомных страстей горяч
И беззащитен, как дитя родное.

И я живу, всех недругов моля:
Не троньте дочку и ее игрушки.
… Как громко плачет девочка моя,
комочек солнца, милая Катюшка.

Крым. Симеиз. 1984 г.

*****

Шепчет море подо мною:
«Ты чего стоишь, скучаешь?»
Улыбнувшись, отвечаю:
«Море, ты, хоть и большое,
ничего не понимаешь,
я грущу, а не скучаю».

Море стихло. Согласилось.
Ласково к ногам прильнуло.
Тихо, бережно спросило:
«Ты грустишь? Так что случилось?»
Тяжело волной вздохнуло,
и со мною загрустило.

«Не печалься, друг любезный,
от того, что я грущу.
Уж такой я, что поделать,
и с печалью бесполезной
я уже домой хочу,
не успев к тебе приехать».

Крым. Симеиз. 1984 г.

*****

Туман, как будто призрак, в ранний час
Спал в тишине начавшегося лета.
Блеск звезд, пронзавших темноту, угас,
Завязнув в вате серого рассвета.
Пока ещё не написал восток,
Разлив по краю красные чернила,
На небосклоне вдоль и поперек
Косые строки брызгами светила.
Пока ещё луч солнца золотой
Не рассмеялся в искрометном смехе,
Как альпинист, вдруг по стене крутой
Вниз соскользнув на сомкнутые веки.

Я тихо спал, укрывшись сладким сном,
От всех своих сомнений и решений,
И согревался собственным теплом
В гипнозе этих сладостных мгновений.
Я спал, когда несмелый лёгкий стук
Вдруг мотыльком в сознание ворвался,
И закружив назойливо вокруг
Мой сладкий сон разрушить попытался.

Но Лень оберегала мой покой.
И мотылёк попал в паучьи сети,
Откинув одеяло, лень со мной
Спать улеглась и обняла за плечи.

Лень-госпожа владеет долго нами.
Кто в липкой жиже всей душой погряз,
Кто не пытается, вцепясь руками,
Из грязи вылезти хотя бы раз!
Чтобы потом хоть раз
расправить плечи,
И Лень убить, работой навалясь.
За упокой её поставить свечи
И оглядеться, над собой смеясь.
Ведь я не сломлен, и я верю в чудо.
Простое чудо воли и труда.
Я выдержу, и я дождусь, покуда
Удача постучится, и тогда …

Сомкнув кольцо невиданной блокады,
Мои все беды наступали в раз.
Но им не запугать меня! Не надо
В атаку стройными рядами напоказ.
Пока ещё живу! И слава Богу!
Пока под этим солнцем и луной
Смогу найти хотя б одну дорогу,
Что сразу приведёт меня домой.
И ты поверь, что с ленью совладею
И беды разбросаю. И любя,
Окрепший телом, духом осмелею,
Я принесу удачу для тебя!

Черкассы. 1983 г.

*****

На песке создавал я воздушные замки,
Их фасады в орнамент мечты обрамлял.
И на башнях из грёз необычной огранки
Ветер мысли весёлых знамен раздувал.

Как в лучах восходящего солнца пылали
На их шпилях рубины блестящих побед.
Но к несчастию замки сомнений не знали
И не ведали горьких разлук и злых бед

И внезапный порыв серой жизни жестокой
Вдруг наткнулся на толстые стены и вал.
На развалинах замков звездой одинокой
От грядущего только осколок сиял.

Черкассы. 1983 г.

*****

…ты улыбнись, слезу смахни
не надо грусти и печали,
писал ли кто тебе стихи,
чтоб музыкой любви звучали?…

*****

Когда у разлуки границы
размыты,
как сон наяву,
то призрачны счастья зарницы
разлиты,
как солнце во рву.
Её берега бесконечно
далеки.
Любви корабли
скитальцами горя навечно
в дороге
исчезнут вдали.
Растрепаны волосы, в саже одежда,
клюка и сума.
От этой безмерности даже надежда
сошла бы с ума.
И беды, как волны
с тупым постоянством
по вере бьют.
И душит разлука своим
пространством.
И ветер крут.

Черкассы. 1983 г.

*****

Тихо, тихо.
Город спит.
Спят дома,
потухли окна.
Свет сиреневый дрожит.
Белый снег кружится сонно.
Нет машин
и нет людей.
Лица улиц незнакомы.
В росчерке полутеней
неспокойной полудремы.
Будто криком в пустоте,
свет неоновой витрины,
китчем бьет по красоте
городской ночной картины.
Одинокий постовой,
днём обычно незаметный,
на углу стоит пустой,
маленький киоск газетный.
В белой шапке на глаза,
чёрных стёкол удивленных,
отразилась бирюза
в сотнях искорках зажженных.
Дом напротив.
Чёрный рот
у открытого подъезда.
Диво елочка растёт,

будто юная невеста.
Снег её принарядил
инеем и белой ватой.
И на счастье одарил,
яркою звездой крылатой.
Тихо, тихо.
Город спит,
парки,
        улицы,
                вокзалы.
Мягкий, белый
        снег летит
                на уснувшие кварталы.

Черкассы. 1983 г.

*****

Лица у вокзала.
Лица у перрона.
Кто-то провожает,
а кого-то ждут.
Слишком мало времени
у дверей вагона.
Надо много высказать
мне за пять минут.
Очень скоро поезд
унесёт сомнения.
Унесёт с собою
все мои права.
Пять минут мгновений,
чтоб принять решенье,
чтоб успеть сказать
главные слова.
Говорю быстрее
о каких-то лишних,
никому не нужных,
брошенных делах.
Я совсем запутался
в этих фразах пышных,
ничего не значащих,
сказанных словах.
Говорю о чём-то,
подменяя нежность.
Сердце не обманешь,
Нежность, да не та.

Что нас ожидает?
Голубая вечность
или непроглядная
пустота.
Занимает место
проводник спокойный.
Уплывает поезд
в привокзальной тьме.
Мечется по окнам
взгляд мой обреченный,
но находит только,
блики на окне.
Вдруг в проёме света
силуэт знакомый.
Словно семафором
вскинута рука.
И пронзает ветер
голос напряженный.
До меня доносится
крик издалека.
Так кричат в отчаянье.
Так кричат в испуге.
На скаку в атаке
головы рубя.
Обгоняя поезд
в громком перестуке
слышу на прощанье
«… я ж люблю тебя!»

Черкассы. 1983 г.

МОЯ СЕМЬЯ.

Моя семья.
Что в этом мире
ещё прочнее,
глубже,
шире,
надежней,
чем мои семь Я?
Мои семь Я
в моей семье
растут,
как нежные растенья,
они завянут,
без сомненья,
в любой другой
чужой земле.
Мои семь Я
мной родились,
как семь цветов,
различных вроде,
рождают белый цвет в природе,
так эти Я
во мне сошлись.
Сошлись во мне,
в моей семье
и значит мы не разлучимы.
Моя семья
и Я едины.
Едины, как семь Я во мне.

Я первое -
растущий сын.
Моя надежда
и опора,
я верю,
что он сможет скоро
стать настоящим из мужчин.

Моя жена,
как кровь моя,
как снег,
как дождь,
как сильный ветер.
Она, как первая заря,
она последний тихий вечер.
Любовь -
моё второе Я.
А третье Я-
наш общий дом,
в горах,
степях,
в бескрайней дали,
под небом
или на вокзале.
Наш дом везде,
где мы втроем.
Четвертое –
мои друзья,
такие разные

и всё же
они все на меня похожи,
и мне без них
никак нельзя.
Я пятое,-
конечно, труд.
Источник радости моральной,
строитель жизни материальной.
В труде характеры растут.

Мои стихи,
душа моя,
она пока, как в клетке птица,
взлететь под облака стремится.
Мечта – моё шестое Я.

Всегда со мной седьмое Я,
березкой на траве росистой,
прохладной речкой серебристой,
Россия – родина моя.
Мои семь Я,
с моей семьей,
стареют, как и всё на свете,
но вновь омолодят их дети
своей семьёю молодой.

Черкассы. 1983 г.

*****

Когда-нибудь к тебе я возвращусь,
И вновь по узким улочкам кривым,
Под тенью старых тополей пройдусь,
По каменным булыжным мостовым.

На Замковой горе знакомый силуэт
Увижу я на фоне голубом,
Разрушенного замка прошлых лет
Над маленьким и тихим городком.

Опять с полета птичьей высоты,
Как на ладони ляжет предо мной,
Зелёный мир карпатской красоты,
Посеребрённый лентою речной.

Услышу перезвон колоколов,
Что, пролетев над городом, затих.
И шумный говор многих языков
На небольших базарчиках твоих.

И по привычке где-то на углу
Я чёрный кофе выпью, не спеша.
И в чешские кварталы побреду,
В чужой толпе знакомый взгляд ища.

Как много было связано с тобой
Любви и ожидания побед,

И боль несправедливости людской,
И горькие крушения надежд.

Мне только время помогло понять,
Кто чистым сердцем дружбой дорожил,
А кто любого другом мог назвать,
Лишь только б друг тот выгоду сулил.

Но будем честны до конца с собой,
На зло не мудрено ответить злом.
Нет выше ничего над добротой,
И если я вернусь, вернусь с добром.

Я не имею права не прийти,
Пока меня ещё хоть где-то ждут,
Пока еще смогу найти
Места, где я вложил свой труд.

Пока ещё в компрессорных цехах,
Работая, гудят мои турбины,
Пока весною в луговых цветах
Карпатские покрыты полонины.

Пока ещё живут друзья мои,
Я обязательно к тебе вернусь
Под крыши черепичные твои
Прошедшей молодости, старый Хуст.

Черкассы. 1983 г.

Эпиграф к названию.

Умный правильно поймёт,
дуракам и так сойдет.

По мотивам без названия.

1.

Вставало солнце по утрам
Тогда, как и сейчас.
Лучи по золотым пескам,
Скользнув верхушками бархан,
Не ослепляли глаз.

Прозрачный воздух оживал
И звуками густел
И каждый, кто рассвет встречал
Надежды песню начинал
И на восток смотрел.

Лишь ночь на землю опускала
Свой сумрачный покров
Созвездья небо надевало,
И всё живое засыпало
Под шёпот добрых снов

Так дни, похоже, проходили
Бессменной чередой,
Как облака, что в небе плыли,
Как волны, что о берег били
Под пеною седой.

Среди пустынь и голых скал
Из глубины веков,
Как в море остров, как коралл,
Старинный монастырь стоял
Оазисом песков.

Там под защитой древних стен
В молитвах и труде,
Живут себе без перемен,
Мирскую жизнь отдав взамен
Монашеской судьбе.

Их настоятель был пророк.
Умел повелевать.
Его стихов латинский слог,
Монахам приказать бы смог,
В восторге умирать.

Он мог часами говорить.
Его волшебный сказ
С улыбкой слушать, слезы лить,
Молчать, задумчиво грустить
Всех заставлял не раз.

2.
Презревший мир, сто верст пройдя,
Без пищи и воды,
Полуживой в песках бредя,

Виденьем чуда находя
Монастыря сады.

Какой покой! Орган рыдал,
И музыкой своей
Душе смиренье предлагал,
И путник бога воспевал,
Шёл в монастырь скорей.

Но вот однажды шум ночной
Монахов сон прервал.
С дороги сбившись, на постой
Просился человек простой,
Ругался и кричал.

Лишь странник на порог ступил,
Молитвы не творя,
Вина и хлеба попросил.
Без меры ел и много пил
Судьбу благодаря.

«Я душу дьяволу продал, –
Монахам говорил,-
Вино люблю, и женщин знал,
Давно уж грешником я стал
И много натворил.
В больших и малых городах
Сейчас царит кругом
Разврат, насилие и страх,

Не кается никто в грехах
Неверие во всем.

Кто, как не вы должны нести
Учение добра?
Чье дело проповедь вести,
Злу в людях не давать расти?
А вы живете зря.

Всю жизнь в покое просидеть
Не велики труды.
Напрасно пить, напрасно есть,
Молиться, богу гимны петь,
Совсем не знать нужды».

Зловеще пьяные слова
Звучали в тишине.
Вдруг шепотом прошла молва,
Качнулась чья-то голова,
Как лодка на волне.

Почтенный настоятель встал.
«Моя душа чиста.
Он прав, что долго я молчал,
Напомнить людям час настал
О доброте Христа!»

Лишь утром солнце собралось
Лучом в окно сверкнуть,

Седой старик взял в руки трость,
В котомку, что поесть нашлось
И вышел в дальний путь.

3.
В монастыре сады цвели
И, несмотря на зной,
В песках колючки проросли,
Звери потомство принесли,
Жужжал пчелиный рой.

Такой весеннею порой
Во двор монастыря
Старик, уставший и худой,
Вошёл с поникшей головой,
Взор в землю устремя.

Их настоятель восемь дней
Молчание хранил.
Лишь слышен плачь из-за дверей,
Закрывшись в комнате своей,
Он с богом говорил.

Но, наконец, он увидал
У кельи под окном,
Собратьев грустный круг стоял,
И настоятель рассказал
Монахам обо всем.

Как весело он в город шёл
С надеждой молодой.
Звала труба, знамёнов шёлк,
Как генерал, солдат он вёл
На справедливый бой.

Лишь в городе под старость лет
Впервые смог понять,
Как тёмной ночью – яркий свет,
Так соблазнителен запрет,
Что страсть не удержать.

Он видел, как прекрасно зло.
Вечернею порой,
Лишь солнце за гору зашло,
Его случайно привёло
В красивый дом большой.

Там пили красное вино
Богатые мужи,
Бесовской прелестью полно,
Искрилось радостно оно
И лилось без нужды.

Они смеялись, пели всласть
И мерзкие слова,
Произносили, не стыдясь,
Охотно похотью хвалясь,
Прикрасить норовя.

Они смелы. Их в этом свете
Не смогут напугать
Ни злой мороз, ни сильный ветер,
Ни бог, ни ожиданье смерти,
Ни дьявол и не рать.

А на столе среди бутылок
Полунагая дрянь,
Закинув руки на затылок,
Горящий взгляд лукав и пылок
Изящная, как лань.

Шёлк и парчу на пол роняя,
Не ведая стыда,
Как будто зелень молодая,
Из почвы жадно вылезая,
Пробилась красота.

Она вино пила, смеялась,
И голос хриплый смел,
Плясала, пела, целовалась
И с наслажденьем отдавалась
Тому, кто захотел.

Старик с минуту помолчал,
От гнева хмуря бровь.
Красиво с чувством описал,

Как он театры посещал
И видел бой быков.

Как в полутемных мастерских
Рисуют на холсте,
Из глины лепят дев нагих
Полубогинь и жен простых
В цветущей красоте.

Он вдохновением пылал.
В рассказе о грехах,
Так всё чудесно описал,
Что, как восторг свой скрыть не знал
Хоть б один монах.

4.
Когда же настоятель встал
На утренней заре,
Монахов долго громко звал,
Но никого не увидал
В своем монастыре.

Черкассы. 1983 г.

* * * * *

Новый год над планетой парит
Пусть не снегом и белою пылью
Ожиданием к людям летит
Новый год – это новые крылья

Крылья новых надежд и стремлений
Крылья мыслей, рождающих вновь
И свершение трудных решений
И забытую кем-то любовь

Уходя, Старый год на прощанье
Оставляет веселье и смех
Свои праздничные пожеланья
Новогоднего счастья для всех

Черкассы. 1982 г

* * * * *

Раз во**р**она на забо**р**е,
Находясь в ог**р**омном го**р**е,
Гово**р**ила:
«Ут**р**ом **р**ано п**р**ямо из её ка**р**мана
хит**р**ые во**р**ы ук**р**али
к**р**аски, п**р**яжку от сандали,
к**р**асный к**р**уг, к**р**ючок, ка**р**тонку,
и х**р**устящую соломку,
к**р**ест, к**р**асивую ка**р**тинку,
ко**р**обок, г**р**ибок, **р**езинку».

«Ты б во**р**она не к**р**ичала,
а по**р**азмыслила б сначала.
Не поте**р**пим мы обмана,
у тебя же нет ка**р**мана».
Но она не замолчала,
только г**р**омче зак**р**ичала.
«Что же **р**аньше вы молчали?
Ка**р**аул!
Ка**р**ман ук**р**али!»

Черкассы. 1983 г.

Стихотворение написано сыну, который плохо выговаривал букву «Р».

* * * * *

Этот странный вокзал
прикрывал в синих сумерках рваные раны.
Будто старый корабль,
выплывал в белом свете дневных фонарей.
В гулких залах его
тихий рокот людей,
уезжающих в разные страны.
В страны собственных грёз,
с глупой радостью лиц,
ожидающих много счастливейших дней.
Ты сказала, ты мне позвонила,
что скоро твой поезд уходит,
что ждала ты его
столько много безрадостных лет.
Я стоял, оглушенный, без мыслей,
лишь чувствуя: сердце заходит,
и упавшая трубка, пронзительно «SOS»
прокричала на весь белый свет.
Я по залам искал,
бедной, брошенной кем-то,
смешной собачонкой.
И готов был завыть
от тоски, спрятав хвост под себя.
Я не мог осознать,
думал бредни
расстроенной чем-то девчонки.
Оказалось, что мест
в твоем призрачном поезде

нет для меня.
И тогда я ушёл,
закрывая тяжелые двери вокзала,
будто двери в другой,
в нераскрытый, непознанный мир,
мир, в котором жила ты,
мир, который любила и знала.
Я ушёл навсегда,
унося на плечах по два пуда из гирь.
А наутро прочел я случайно в газетах,
сколько много в наш век сумасшедший
аварий и бед,
где-то поезд,
стремительно мчавшись на рельсах,
в страшном скрежете,
делая мёртвую петлю,
свалился в кювет.

Написано в бреду, в одиноком общежитии в городе Черкассы при температуре 39,5 град. С 1982 г.

* * * * *

Возьми мои стихи с собой,
и одинокой,
вечерами,
тетрадь, как душу приоткрой,
и зазвучат они тобой
многоголосыми хорами.
Когда, уставшая от слёз,
на миг забудешься ночами,
то чистотой прозрачных рос
тебя умоют звуки грёз,
стихов, покоя голосами.
А может памяти набат
раскатит гром колоколами,
и взрывом тысячи гранат,
ударит в сердце,
и раскат,
пойдет минорными басами.
Как обнаженный нерв дрожит,
в глазах струна строки живая,
она лишь о тебе кричит
и вихрем крик её кружит,
и в вихре крика замирая….
Ты улыбнись, слезу смахни,
не надо грусти и печали,
писал ли кто тебе стихи,
что б музыкой любви звучали?

Черкассы. 1982 г.

* * * * *

Я мирно спал,
когда ты появилась передо мной.
По лунному лучу с небес спустилась
в наш мир земной.
Как лёгкий шёпот,
губ твоих дыханье я ощутил.
Не веря сну, над пропастью сознанья
на миг застыл.
Открыл глаза.
В тиши ночное лето,
лишь лунный блик,
став контуром знакомого портрета,
в окно проник.

Черкассы-Хуст. 1982-1984 гг.

* * * * *

Как жалок вид убого калеки,
Сидящего у мостовой.
В мгновении застывшего на веки
С дрожащею, протянутой рукой.

И часто рядом с ним себя сажаю,
Чтоб убедиться вновь и вновь
Калекой я себя воображаю,
Как милостыню, ждущего любовь.

Хуст 28.12.1981 г.

Посвящено Пранкевич Г.В.

Ко дню рождения Девы Гали.

В поднебесной божьей дали
Всяки типы проживали.
Типы добрые и злые,
Терпеливые, лихие.
Вот, к примеру Орион,
Хоть и был не Аполлон,
Но красавец – будто я,
Вы не верите друзья?
И решил однажды он
Разузнать как … О, пардон!
Как на этом белом свете
Появляются вдруг дети.
Первым встретился Пегас,
Головой своей затряс.
И ногами застучал,
И немного зарычал
До того он был взбешен,
Что бедняга Орион
Еле, еле убежал
И подумал: «Вот нахал».
Вот ребята Близнецы,
Эти двое молодцы.
Лишь вопросик услыхали
Сразу вдруг захохотали

Следующим попался Рак.
Он простите, был дурак
Двадцать раз переспросил,
Ничего не разъяснил
Рыбы умненько молчали,
Толи слишком много знали,
Толь не знали ничего,
Лишь смотрели на него.
А почтенный Скорпион,
Так, как был профессор он,
Слишком долго объяснял
То, чего и сам не знал.
Интегралы, полиномы,
Гены, клетки, хромосомы…
Скучно стало Ориону
Він пішов собі до дому.
По дороге встретил Льва,
Вот большая голова.
Лев подумал и сказал,
Он толк в детях дуже знал:
«Вы хотите это знать?
Нужно кое-что познать.
Дам совет французский вам
се ля ви, шерше ля фам»
Но несчастный Орион
В языках был не силен,
И с поникшей головой
Продолжал идти домой.
Вдруг глядит под кроной древа,

Под зелёною листвой,
Восседает мирно Дева
С непокрытой головой.
Орион спросить хотел,
Только вдруг остолбенел.
У него отсох язык,
Форму клина принял лик.
Дева так была прекрасна,
Всё с проблемой стало ясно.
В сентябре в глухую ночь
Дева-мать родила дочь.

Хуст. 1983 г.

* * * * *

Там заря с зарею сходятся,
Там росою умываются,
Чистым воздухом взбодренные
С ярким солнышком встречаются.
Там, где песни соловьиные
Над ветвями зарождаются,
Чистозвучными лавинами
Ниспадая, рассыпаются.
Где недавно речка сонная,
Словно девица прекрасная,
Вспоминая ночку лунную,
Улыбнулась утру ясному.

Саратов. 1976 г.

Знакомому из города Брянска.

Закричать!
Словно кто-то убитый тобою,
поднимается медленно,
кровью залитый.
Ужас,
стоны,
проклятья.
Заною,
закружусь
и завою собакой побитой.
Он поднимется,
сильно шатаясь.
Руками
путы мелких обид и сомнений
разорвет,
и презренье и жалость,
не каясь,
в совершенном в душе разоренье.
Он поднимется.
С каждой минутой сильнее.
Наливаются мышцы,
и духом окрепнет.
Безнадежно смотреть на него:
он сильнее,
вот возьмет и сейчас оплеуху залепит,

или если захочет, поднимет и кинет,

или глянет,
и только презренье подарит.
Я дрожу, опускаюсь, стою на коленях,
закрываю глаза и молюсь.
Жду, ударит.
Но он гордый.
Он тихо проходит.
Вот спина его.
Господи, дай же мне силу!
Вот винтовка.
Вот пуля.
Она для него.
Я прицелился.
Выстрел.
Убил!
Снова в спину!
Жить! Быстрее!
Пока он опять не воскреснет.
А потом что? Опять убивать, предавать.
Тот, кто раз убивал и ещё раз сумеет
Подлецу все равно подлецом помирать.

Александров-Гай. 1975 г.

* * * * *

Я гляжу на тебя, как луна темной ночью глядит с небес на землю.
Как солнце ранним утром, когда оно восходит на востоке, позолотив лучами землю.
Да, ты земля!
Жирна от чернозёма, и волосы твои,
как лес пышны и пахнут,
как в полях травою.
Я жажду утолю в глазах твоих,
в озёрах будто.
В лесных озёрах голубых России.
Твои слова меня обволокут,
закружат,
унесут,
как воздух,
как ветра,
навеянные песнью и любовью.
Дотронуться до губ твоих и умереть
от счастья,
что я жив.
Что жив тобой я и тебя люблю!

В поезде Саратов-Москва. 1974 г.

* * * * *

Наверное, ещё есть, где-то в этом мире, среди бескрайнего простора, совсем небольшой клочок земли под тенью вечнозелёных тропических растений, маленьким прохладным родничком, стекающим тонкой струйкой меж камней и травы к солёному океану. На горячий, ярко-желтый песок, неумолимо, ленивым хищником, знающим себе цену, плюхаются волны и растекаются тонким слоем, шипя от томной неги. И сразу же, только кончается прибрежный песок, резкой границей встаёт высокая трава и начинается лес, незнакомый, странный и таинственный. Фантастические сплетения зелёных чудовищ окружают с первых же шагов, и остаётся только удивляться выдумке природы. Здесь, как нигде чувствуется, что эти растения – живут! И угадываются даже какие-то осмысленные движения стеблей, ветвей и крон. Наполненные живительным, ядовито-зелёным соком, они будто жизнерадостные мулатки рядом с блеклыми европейскими сёстрами своими, выставляют напоказ, без стыда и смущения свои прелести. Оркестром, настраивающим инструменты перед концертом, обрушивается щебет и свист, треск и скрежет.

Кажется, вот сейчас невидимый дирижер ударит палочкой, взмахнёт рукой и воздух наполнится стройной и красивой, гармоничной симфонией жизни.

Природа! Наверное, только здесь можно понять, даже не понять, а почувствовать, ощутить истинный смысл этого слова. Как ощущал его наш первобытный предок, как ощущали его мы в детстве, когда лёжа на зелёной траве, среди васильков и ромашек, чувствуя запах земли, раскинув руки, долго-долго смотрели в синее, глубокое небо, с бегущими по нему белыми кудрями облаков.

Наверное, ещё есть такой островок, где нет ни радио, ни телевидения, ни газет с их вечными проблемами, планами, забастовками, совещаниями, переворотами и выступлениями. Куда не заходят морские лайнеры и где об уровне развития современной авиации можно догадываться лишь по белым ниточкам, изредка перечеркивающим голубизну небесного купола.

Как хорошо, если бы существовала такая земля, неважно где; в Тихом, Атлантическом или Индийском океане. И пусть достигнуть эту землю можно было бы только в своём воображении. Главное, что бы она существовала! Чтобы знать, есть на нашей

грешной и богом забытой планете, маленький, прекрасный уголок твоей мечты, где ждёт тебя покой и одиночество.

Хуст. 1984 г.

* * * * *

Девушка в черном платье
Сегодня приснилась мне
А может быть это несчастье
Было со мной не во сне?
А может быть это несчастье
Было со мной наяву?
Девушка в черном платье
Сказала: «Тебя я люблю»
И если совсем уж свободно
На странные вещи смотреть
То может это сегодня
Ко мне приходила смерть?

Написано на борту самолета ИЛ-18, совершающего рейс Свердловск-Москва в 12 часов ночи. 1973 год.

Посвящение одной женщине.

Ты, женщина,
от кончиков волос до кончиков ногтей,
от простоты движения ресниц,
до сложных чувств
и мыслей широты проникновенья,
до самых уголков души,
где так темно,
что я и сам забыл,
что там лежит давно.

Ты женщина!
Твои глаза, как два луча сканируют,
и ты уже раздет
и вывернут вверх наизнанку
всем тем, что так укрыть хотел надежно.

Слова с тобой пустое,
ты сама решишь,
что не услышать вовсе
или отвергнуть гневно,
а что принять,
хоть знаешь это ложь, ласкающая уши.

Ты женщина,
движением полна:
изгибом рук,

длинною ног
и поворотом шеи.
И звуки музыки вливаются в тебя,
и ты их пьешь разгоряченным телом.

Ты женщина,
умна умом Венеры,
себя преподносящая в любви
и поклоненье,
всегда над суетящейся толпой.

Не ангел и не демон в созвездии стрельца.
Ты Женщина,
от кончиков ногтей до кончиков волос.

Москва. 2011 г.

* * * * *

Я посвящал бы Вам поэмы,
но ныне век, увы, не тот
в нём проза жизни их заменит
и серость бытия,
и будничность забот.

Но даже в этой мгле
Вы лучик мирозданья,
как уголёк тепла
в остынувшей золе,
Как радуга средь туч,
Вы свет в моём сознанье,
и Вам пишу стихи на утренней заре.

Пускай, они глупы,
и слог не тот,
и рифма.
Пускай, ещё в них нет
отточенности строк,
зато в них есть душа
и мысль немного слышна.
И если не любовь,
то нежности чуток.

Москва. 2011

Под настроение сегодняшнего дня.

В эти серые сумерки
беспробудного,
грязного неба,
так мне хочется сразу,
ну, прямо сейчас,
очутиться под солнцем
безмятежного южного лета,
рядом с гибкой мулаткой
на белом горячем песке.

С разомлевшей душой,
и безвольно распластанным телом.
Без желаний,
без мыслей,
без сил,
наслаждаться теплом,
под шипение волн
беспробудно лазурного моря,
рядом с гибкой мулаткой
на белом горячем песке.

Глядя из окна кабинета на хмурую весну.
Москва. 2011 г.

* * * * *

Люди бывают разные
Люди уж очень сложные
Бывают люди весёлые
Бывают не осторожные
И замкнутые встречаются
И скромные иногда
Бывают что ошибаются
Бывает, что навсегда.

Свердловск. 1972-1973 гг.

* * * * *

Когда небесный божий глас
На землю ниспошлёт раскаянье
Людей увидеть в этот час
Отнюдь не лучшее желание.
И если сбудется оно
Ад засмеются, рай заплачет
И никакое божество
Не скажет, что же это значит
Раскайся в радости, беде
Раскайся в прошлом, настоящем
И даже в будущем. Везде
Ты за раскаяньем стоящий
Воскинув руки к небесам
И полным горлом все проклятья
Воздай стареющим богам
За их в раскаянье участье.

Александров-Гай. 1974 г.

* * * * *

Успокой мне душу!
Я не знаю, чем
На миг или минуту
Лучше на совсем.
Успокой мне душу
Нежностью своей
Лаской и уютом
И теплом речей.
Может страстью дикой
Рану залечи,
Может болью, риском
Словом повели,
Может быть терпеньем
Хочешь измени!
Или вдруг с презреньем
Мне в глаза смотри.
Ненависть, молчанье,
Горечь и печаль.
Чем бы успокоить?
Я не знаю жаль.
Женскою природой
Способ избери
Успокой мне душу
И навек замри.
Пусть мгновенье станет
Звездной пустотой
А пространством мысли

Душу успокой!
И фонтаны света
Света и тепла
Заполняют время
Радостью – смогла!
Я тогда поверю
В бога и любовь
Успокой мне душу
Буду просить вновь.

Саратов. 1976 г.

* * * * *

Я помню, как ты приходила
В твоих глазах огонь горел
Быть может рядом он сидел?
Или машину ты водила?
И с восхищением любя
Тебя всё это разбудило
И ты, наверное, забыла
И про меня, и про себя.

Черкассы 1982 г.

Память.

Тропинка под гору как змейка
Извилистою струей
Среди лопухов и репейника
Сбегает вместе со мной

Внизу, такой маленькой кажется
Прикрыта кудрявой листвой
Речушка изгибается
Прохладу, храня в жаркий зной

Налево по берегу ивы
Плакучих подружек строй
И в грусти своей красивы
Склоненные над водой

А дальше, как в дымке туманной
Прикрытой завесой времён
Какой-то мосток деревянный
И кажется старый загон.

Направо, не помню уж точно,
Ходить не любил туда я,
Гусей серо-белые точки,
Настил для стирки белья.

И синим прозрачным цветом
Барашками облака
Какое бывает летом
Запомнилось небо тогда.

В горошек, в знакомом платье
Красивой и молодой
Как воплощение счастья
Мама стоит предо мной!

Как жаль, что стираются краски
Прекрасного детского сна
С трудом отличаю от сказки
Далекие времена

И даже порою не знаю
Быть может детства страна
Совсем не моя, а чужая
Из памяти извлечена.

Черкассы. 1982 г.

Новогодние стихи, написанные к детскому утреннику на компрессорной станции Хуст в 1984 года.

* * * * *

Кто ко мне стучится в дверь?
Может милиционер?
Или может почтальон
В синей форме и с ремнем
Телеграмму нам принес?
Нет! Стучится Дед Мороз!
В красной шапке, с бородой
С добрыми глазами.
Заходи ко мне домой
Веселиться с нами.

* * * * *

Взял я вату, клей и краски,
Разноцветный пластилин
Постарался!
И как в сказке
Дед Мороза смастерил
С белой длинной бородою
В красной шапке со звездою
То советский Дед Мороз!
Он ребятам мир принес!

* * * * *

Интересно, а бывает
Зимний праздник у зверят?
Им в подарки присылают
По морковке для зайчат?
Шишки маленьким бельчатам?
Пучок сена для лосят?
А, что нужно медвежатам?
Медвежата крепко спят!

* * * * *

В этот праздник жизнь и сказки
Перепутались слегка.
И кружат со смехом маски
Будто бурная река
Сон, взмахнув, крылом удачи
Вдруг мелькнет в твоём окне
И чудесный принц прискачет
На серебряном коне.

* * * * *

Если даже вместо снега
С крыши капает вода
Непогода не помеха
Дед Мороз придет всегда!
С Новым годом всех поздравит
И подарок принесёт,
На полу следы оставит
Зонт откроет и уйдет…

* * * * *

В больших валенках, седой
И с косматой бородой
Дед Мороз придёт сегодня
в школу,
садик,
и домой.
Он подарки принесёт
И откроет Новый год.

* * * * *

Бедный Дедушка Мороз
С Дальнего востока
К нам подарки он принёс
И устал немного
Нёс сквозь тёмные леса
Бури в океане
Сказочные чудеса
Маленькой Светлане.

* * * * *

Разноцветными шарами и хлопушками
Всевозможными весёлыми игрушками
Надя ёлку украшает, наряжает
Дед Мороза к себе в гости приглашает
«Ты услал Дед Мороз, отдохни.
Я тебе и спою, и спляшу.
Если хочешь ещё посиди,
В Новый год я не очень спешу»

* * * * *

В нашем городе
В каждом доме
Ёлки праздничные стоят.
Будет ёлка и у Ромы
Папа с мамой говорят.
Мы украсим ёлку сами
На иголках ваты слой
Разноцветными шарами
Пятикрылою звездой.

* * * * *

В этот вечер ёлка ваша
Вся искрится и цветет.
Пусть с улыбкою Наташа
Встретит праздник Новый год.

* * * * *

Взрослые и дети
Знают наперед
Лучше всех на свете
Праздник Новый год!

* * * * *

В дверь стучатся: тук, тук, тук.
Открываю дверь … и вдруг,
На пороге Дед Мороз.
Настоящий. Красный нос,
Борода седая вьется

А в руках большой мешок.
Он веселый, он смеется.
Расскажу ему стишок
Песню звонкую свою
Про Снегурочку спою.

* * * * *

Я хочу, чтоб на всей планете
В самых дальних и близких странах
Дед Морозы в подарок детям
Мир везли на серебряных санях.
Кони быстро летят, как ветер
Над морями, лесами, полями.
Я хочу, чтобы в этот вечер
Навсегда мир остался с нами.

Хуст. 1984 г.

* * * * *

Когда о стену бьёшься головой
Пытаясь истину извлечь на белый свет
С бинтом на голове и чуть живой
Доставлен точно будешь в лазарет
Когда решился истину достать
Лом и кувалду нужно в руки брать
И хоть о истине я не берусь судить
Но голову тогда сумеешь сохранить.

Хуст. 1984 г.

* * * * *

Ветер и солнце,
дожди и метели,
так час за часом,
весна за весной,
вдруг незаметно года пролетели
будто и жизнь, унося за собой…
……
Ветер и солнце,
дожди и метели,
так час за часом,
летит день за днем.
Щёлкает жизнь как костяшки недели.
Ну. ничего!
Мы ещё поживем!

Хуст. 1989 г.

* * * * *

Что пожелать тебе моя любимая
Когда вступает Новый год в свои права
Когда вот-вот секунда быстрокрылая
Оставит в прошлом разные слова

Что пожелать тебе моя хорошая
Когда надежда может быть близка
И зимним ветром, снежною порошею
Покроется и скука и тоска

А если снега нет, то значит смоется
Весенними ручьями в январе
И чёрное, навеки в прошлом скроется
И жизнь опять начнётся на заре.

Что пожелать тебе
В преддверье праздника
Живи, люби, и радуйся судьбе
Желай всего и многого, и разного
И счастье улыбнется вновь тебе.

Хуст 1989 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

* * * * *

… тот, кто понять меня не мог,
еще поймет
в тот миг, когда и у него
рванется почва из-под ног…

Антал Гидаш